

ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

Осенью 1932 года судьба свела меня с юношей, которого только что избрали секретарем Гродненского подпольного окружного комитета комсомола. По вызову ЦК КСМЗБ он приехал в Вильно на собеседование и инструктаж. Комсомольская организация этого округа была закреплена за мною. По долгу выполняемой работы мне предстояло побеседовать с ним и дать наставления, как лучше организовать работу. Но случилось так, что к нему я не мог пойти сразу, и он несколько дней вынужден был ожидать меня в Вильно в то время «гостил» Пилсудский. Коммунисты и комсомольцы организовали в городе массовые выступления с разоблачением антинародной политики, проводимой правительством Пилсудского, распространяли нелегальную литературу, вывешивали транспаранты. Полиция проводила облавы, массовые аресты. Мне пришлось терпеливо ожидать, когда «улягутся» страсти блюстителей порядка». Я волновался за юношу, с которым не успел встретиться. Правда, утешало меня то, что связная секретариата ЦК КСМЗБ обеспечила его нашими нелегальными изданиями и руководящими материалами и он не будет скучать.

— Аркаша, — назвал он себя, когда я пришел к нему, радушно улыбаясь, крепко пожал мою руку. По конспиративным условиям он не мог открыть свое имя, фамилию и назвался по кличке. Только спустя четыре года я узнал, что Аркаша — это Сергей Притыцкий... Но об этом потом... В ту же памятную минуту первой моей встречи я внимательно и восторженно присматривался к Аркаше. Это был типичный деревенский паренек, с сильным солнечным загаром на исхудалом лице, в стареньком сером костюме.

Я начал было объяснять причины моей задержки.

С. Г. Анисов — в 1932—1934 гг. — член секретариата ЦК КСМЗБ, с 1934 — по август 1935 года — секретарь ЦК КСМЗБ, с августа 1935 г. — секретарь Брестского окружкома КПЗБ. В послевоенные годы на журналистской работе. Ныне персональный пенсионер республиканского значения.

— Понимаю и сочувствую,— прервал он меня, все так же радушно улыбаясь.— Всюду ведь одно лихо, одна беда — преследования полиции, аресты, а законы конспирации для всех нас суровы, бескомпромиссны и категоричны... Их мы обязаны выполнять.

Юноша оказался на редкость остроумным собеседником. Он обладал высоким внутренним человеческим достоинством, вызывавшим симпатию и уважение к нему. Беседу я начал с расспросов о всем происходившем в Гродно, в местечках, деревнях округа.

Гродненщина в то время была похожа на бурлящий котел. Буржуазно-помещичье правительство Польши проводило разную политику произвола и грабежа. Это порождало недовольство и ненависть трудового народа. Нередко недовольство выливалось в выступления трудящихся против полиции, налоговых чиновников, помещиков и военных осадников. Юноша подробно рассказывал о том, как отряд самообороны и жители деревни Ковали Берестовицкой гмины *, вооружившиеся камнями и кольями, прогнали сборщиков податей и полицейского, пытавшихся описать имущество крестьян за неплату налогов.

— Что это было за зрелище! Как бежали, сломя голову, полицейский, а за ним секвестратор**! Как вдогонку им улюлюкали ребята,— восторгался он.

Я слушал его взволнованный рассказ с большим интересом. Аркаша не скупился на слова, но в то же время старался быть точным и осторожным в выражениях.

— Однако события в деревне Ковали на этом не закончились,— продолжал он.— Панские холоуи решили взять реванш... Мы, конечно, догадывались, что они непременно снова нагрянут на Ковали, но не знали, когда совершат это. И получилось так, как мы предполагали. Но только уже не один, а пять полицейских и три секвестратора примчались в Ковали и стали нагружать на подводы крестьянское добро за недоимки. А тут, как назло, почти все крестьяне поехали на рынок в соседнее местечко Крынки. Комсомольцы и члены отряда самообороны не растерялись. Они начали неотступно преследовать секвестраторов, вступать с ними в пререкания, чинить разные препятствия с погрузкой крестьянского добра. Словом, делали все, чтобы как подольше задержать их в деревне. Тем временем

* Гмина — волость.

** Секвестратор — налоговый инспектор, сборщик налогов.

верхом на лошади в Крынки прискакал подросток и крикнул: «В Ковалях полиция забирает вещи!..» Мгновенно крестьяне выпрягли лошадей и галопом примчались в деревню... Секвестраторы и полицейские постыдно бежали, оставив награбленное ими крестьянское добро...

— И все-таки, гады, отомстили нам, — продолжал рассказчик, — в Ковали прибыл карательный отряд из Гродно. Прибыл ночью, когда все спали. Засигнув всех врасплох, каратели учинили в деревне кровавую расправу. Они без разбора избивали всех, не щадили ни женщин, ни стариков, ни ребят-малолеток. Организаторов выступлений заковали в цепи и бросили в тюрьму...

Новый секретарь окружкома произвел на меня хорошее впечатление, покорила своей откровенностью, простотой и требовательностью прежде всего к себе самому. Я провел с ним три дня. О чем только за эти три дня мы не побеседовали, каких только вопросов в тех беседах не затронули... Я горел желанием лучше, основательней познакомиться с юным активистом. Уходя, пообещал ему в ближайшее время приехать на Гродненщину и помочь провести районные конференции комсомола.

Осенью 1932 года накал классовых битв в Западной Белоруссии принял исключительно острый характер. Вследствие проводимой буржуазно-помещичьим правительством грабительской политики, нищета и отчаяние крестьян дошли до предела. После кровавых событий в деревне Осташино Новогрудского уезда * создавалось такое положение, что во многих местах представители власти могли появляться только в сопровождении полиции. Да и полиции нередко приходилось позорно бежать. Казалось, в те осенние дни вот-вот грянет буря народного гнева. Не только Западная Белоруссия, но вся Польша пред-

* Осташино в 1932 году было центром массовой, острой борьбы крестьян. Жители этой деревни сожгли помещичье имение, в котором с аукциона продавались скот и имущество, конфискованные за неуплату налогов, а также усадьбу осадника, приобретшего за бесценно крестьянское добро. Последовали массовые аресты и жестокие избиения крестьян. Но это их не устрашило. В ответ они сожгли гумно местного коменданта полиции. Десятки соседних деревень включились в борьбу. В деревне Мельница, возле Осташино, были убиты полицейский и осведомитель полиции. В Нигневичах разгромлен полицейский участок и крестьянами захвачено оружие. Состоялись бурные антиналоговые выступления в Туполах, Новоелье, Озеранах, Цирине, Мельнице, Нижевичах и других населенных пунктах Новогрудского повета. Оккупационные власти подвергли ряд деревень варварскому разорению. По приговору чрезвычайного суда были повешены четыре крестьянина, пять — осуждены к пожизненному тюремному заключению и 44 человека получили в общей сложности 241 год тюрьмы.

ставляли собой огнедышащий вулкан. Повсеместно развертывались массовые выступления крестьян. Широкую известность, в частности, получили события в деревне Смоляры * Камень-Каширского уезда. Они оказали сильное влияние на подъем и развитие борьбы трудящихся во всей Западной Белоруссии.

В то самое время в секретариат ЦК КСМЗБ из Беловежской пуши пришло сообщение, что лесорубы и возчики открыто поговаривают о забастовке. Мне пришлось выехать в Брест, а поездку в Гродно отложить на неопределенное время. В Гродно в окружном комсомоле послали курьера с нелегальной литературой и письмом.

Возвратившись из Беловежской пуши, я сразу же выехал в Белосток, где назревала забастовка текстильщиков. Забастовка эта была исключительно упорной, стойкой и мужественной и продолжалась она три месяца. Полиция и фабриканты прилагали все старания к тому, чтобы измором, голодом заставить бастовавших рабочих приступить к работе, не удовлетворив их требований. В связи с этим повсеместно организовывались забастовки солидарности с белостокскими текстильщиками. Коммунисты и комсомольцы Гродненщины, кроме забастовки солидарности, организованной в городе, развернули активную деятельность по сбору средств для поддержки бастующих.

Связь с Гродненским окружным комсомолом приходилось держать через курьера и работников партии, которые направ-

* Во время антивоенной кампании, проводимой в защиту СССР, в деревне Смоляры был вывешен красный флаг, а рядом предупреждение: «Пусть только фашистская каналья отважится снять это наше знамя, его не минует заслуженная кара». На второй день появившийся в Смолярах войт гмины снял флаг и ночью же был убит. Прибывший на место карательный отряд начал поголовные аресты и избития жителей. Об этом стало известно в соседних деревнях. Крестьяне, вооруженные вилами, косами, а частично и огнестрельным оружием, поспешили на помощь в Смоляры. Началась схватка с полицией, в результате которой были убиты комендант и тайные осведомители. На подкрепление карательному отряду прибыл батальон пехоты. После перестрелки крестьяне вынуждены были отступить в болота и леса. Спасаясь от террора и преследований, крестьяне в массовом порядке уходили в леса. Многие из них становились на путь вооруженной партизанской борьбы.

Из Камень-Каширского повета движение перебросилось в Дрогичинский и частично Брестский поветы. Осенью 1932 года в южных поветах Полесского воеводства и на Волыни развернулось настолько сильное партизанское движение, что для его подавления власти вынуждены были направить 3 полка пехоты с броневиками и самолетами, 4 эскадрона кавалерии, 1500 полицейских. Партизанское движение захватило также ряд поветов Новогрудского воеводства. Для его подавления власти вынуждены были создать специальный штаб.

лялись в округ. Это была многоступенчатая связь, осуществляемая с большими трудностями. И тем не менее до меня регулярно доходили сведения о проводимой там работе, о деятельности комсомольской организации и, в частности, лестные отзывы товарищей, которые встречались с секретарем окружного комитета комсомола. Аркаша умел заинтересовать работой каждого, снискать уважение к себе и хорошее расположение. С каждым он мог войти в деловой контакт. Его отчеты члены секретариата ЦК КСМЗБ читали, анализировали. В них всегда были свежие мысли о методах и содержании работы комсомольской организации. Коммунисты и комсомольцы Гродненщины своими смелыми и дерзкими действиями нагоняли страх на полицию, чиновников, накапливали богатый опыт борьбы. Аркаша рос в этой атмосфере, закалялся.

В один из дней забастовки, в момент, когда назначена была демонстрация и митинг текстильщиков, в Белосток приехал Аркаша. Приехал он с делегатами, привезшими продукты и деньги для бастовавших текстильщиков.

Во время демонстрации и митинга полиция, как правило, производила в Белостоке облавы. Зная об этом нраве «блюстителей порядка», я послал на явочную квартиру связную предупредить гостя, чтобы он был осторожным, а заодно уведомить его, что приеду к нему во второй половине дня, сразу же после демонстрации и митинга.

Каково же было мое изумление, когда, идя к нему в назначенное время, вдруг встречаю его улыбающегося на улице. Он ко мне не подошел, но, по условному знаку, последовал за мною.

— Что случилось? — спросил я, выйдя на окраину города. — С явочной квартирой что-нибудь неблагополучно?..

— Все в порядке, — спокойно ответил он. — Я ходил вручать наши подарки бастующим и теперь вот иду оттуда...

— Это неблагоприятно с твоей стороны, — начал я объяснять ему. — Подарки ты вручал членам забастовочного комитета, а за ними полиция ведет слежку. Тебя могли там арестовать, а если не арестовать, то установить за тобой наблюдение... Зачем же нужно было рисковать?!

— Иначе я не мог поступить, — ответил он. — Ведь с еще большим риском комсомольцы собирали сало, картошку, крупу, деньги. И все это нужно было не просто передать товарищам, но и сказать им, с какими думами мы следим за их борьбой.

— И ты там речь держал?..

— Пришлось несколько слов сказать.

— Где все это происходило? В помещении профсоюза? — спрашивал я.

— Нет. Зачем же в помещении профсоюза. Вот это и было бы риском, — ответил он. — Подарки вручали на специальной квартире, у комсомольца, руководителя юношеской секции текстильщиков — в надежном месте. Это наш давний знакомый. Мы с ним всегда в контакте. Знаем его хорошо еще по Гродно. Собралось там у него немногим больше 20 человек активистов-текстильщиков. Поговорили мы обо всем по душам, поделились опытом работы, а потом они уже сами, с одним нашим профсоюзным деятелем, с нашими подарками отправились в помещение профсоюза. Я туда, конечно, не пошел... Для меня хватило, что увидел на улицах города и на площади.

— Выходит, что и на демонстрации, и на митинге успел побывать? — спросил я.

— Ребята белостокские пригласили посмотреть, как проводятся митинги у них. Отказаться я не мог, — и, как очевидец, он начал делиться своими впечатлениями. Я молча слушал и про себя думал, как быстро он возмужал и научился из общего вороха дел выбирать основное и главное.

Прошло чуть ли не два месяца, и я снова встретился с Аркашей, но уже у него на Гродненщине. К этому времени состоялось решение секретариата ЦК КСМЗБ послать его учиться в школу КПЗБ и КСМЗБ.

Был жаркий летний день. На опушке леса, возле небольшой деревушки, к сожалению, в памяти стерлось ее название, он встретил меня восторженно и радостно. Начал сразу же спрашивать, как добрался.

— Я провела его окольными тропинками, — ответила за меня Шура — инструктор ЦК КСМЗБ.

Аркаша радовался нашей встрече, старался быть веселым и разговорчивым, но в то же время не мог скрыть своей озабоченности и взволнованности.

— Для конференции подобрали место надежное, — как бы невзначай обронил он. — Но мне нужно отлучиться и проверить еще раз, как там дела на подпунктах с приемом делегатов, а заодно хочу поставить надежную охрану конференции. Итак, я помчался... Ждите, с наступлением сумерек буду здесь, и то-ропливо зашагал по опушке леса.

Возвратился он, когда было уже темно.

— Порядок, все делегаты в сборе, — доложил он и спросил: — К утру успеем закончить конференцию?

*С полным текстом документа можно
ознакомиться в библиотеке*